

БАЛАНС СИЛ

СВАДЕБНЫЙ АУДИТ

Победить Тьму — легко.
Пережить проверку из Империи
и знакомство мамы с женихом —
ВОТ ЭТО ПОДВИГ.

Милана Панова

Баланс сил. Свадебный аудит

«Автор»

2026

Панова М.

Баланс сил. Свадебный аудит / М. Панова — «Автор», 2026

Победить Тьму — легко. Пережить проверку из Империи и знакомство мамы с женихом — вот это подвиг. Варвара спасла волшебное королевство с помощью аудита, нашла любовь и наконец съездила в отпуск. Бывший Тёмный Властелин делает ей предложение, спрятав кольцо в помидор. Но счастье длится ровно два дня. Соседняя Империя Сияющего Порядка, где запрещены тени, громкий смех и варенье, присылает инспектора. Вердикт: Цитадель отбрасывает тень, а значит, королевство подлежит присоединению. Через тридцать дней. Как раз в день свадьбы. А тут ещё из портала выходит мама. Тридцать лет в паспортном столе. Жениха она проверяет строже любого инспектора, а Небесную Канцелярию уже засыпала жалобами. Варвара отправляется в Империю, чтобы найти, кто на самом деле пишет правила. Ведь у каждого безупречного порядка есть свой мелкий шрифт. Продолжение смешной и тёплой истории о попаданке, которая спасает миры здравым смыслом.

© Панова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая, в которой отпуск наконец удаётся, но ровно на два дня	5
Глава вторая, в которой собирается Большой совет, а козёл ставит диагноз письму	8
Глава третья, в которой из портала выходит мама	11
Глава четвёртая, в которой прибывает инспектор, и становится очень, очень светло	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Милана Панова

Баланс сил. Свадебный аудит

Глава первая, в которой отпуск наконец удаётся, но ровно на два дня

Отпуск у Варвары Ключниковой продлился два дня, четыре часа и семнадцать минут. Это был рекорд. Предыдущий, если считать турецкий, составлял ноль дней, ноль часов и примерно четыре минуты, включая поездку в лифте.

Первые два дня были идеальными. Северное море оказалось именно таким, каким его описывали те, кто «говорят»: тёплым, синим, с белым песком и с маленькими розовыми крабами, которые выходили на берег по вечерам и танцевали что-то вроде кадрили. Варвара лежала в шезлонге, который орки из кооператива «Клык и Мост» сколотили специально для неё (с шипами, но мягкими, декоративными), пила чай с чабрецом и не считала ничего. Совсем ничего. Даже крабов.

Ну, почти. Крабов было сорок три. Но это она посчитала машинально и сразу же себя простила.

Мракобес сидел рядом в соломенной шляпе и читал вслух книгу. Книга называлась «Как правильно отдыхать: пособие для бывших злодеев», написала её болотная ведьма Агриппина Тиновна, тиражом в один экземпляр, специально для него. Глава первая называлась «Шезлонг — не трон. На нём можно лежать».

— «Упражнение номер один, — читал Мракобес. — Полежите десять минут, ничего не делая. Если вам захочется кого-нибудь поработить, просто заметьте это желание и отпустите его».

— Хочется кого-нибудь поработить? — спросила Варвара, не открывая глаз.

— Нет, — честно сказал Мракобес. — Но мне очень хочется проверить, как там помидоры.

— Помидоры поливает Гхырк.

— Гхырк поливает их из ведра. Сверху. А их надо под корень.

— Мракобес.

— Да?

— Упражнение номер один.

Мракобес вздохнул, положил книгу на песок и замер, глядя в небо. Его хватило на семь минут. Варвара знала это точно, потому что засекла. Это был его рекорд.

* * *

На третий день, в одиннадцать часов утра, Мракобес начал вести себя странно.

Он всё утро нервничал. Он трижды уронил чашку. Он дважды спросил Варвару, нравится ли ей море, и оба раза, услышав «да», почему-то побледнел ещё сильнее. Наконец он ушёл куда-то за дюны и вернулся с маленькой корзинкой, накрытой салфеткой.

— Варя, — сказал он и сел рядом с шезлонгом прямо на песок. — Я... это... я хотел тебя угостить. Помидором.

— Ты привёз помидоры на море?

— Один, — сказал Мракобес. — Особенный. Я его выращивал полгода. Под отдельным колпаком. Читал ему отдельно. Стихи Лаириэль.

— Бедный помидор.

— Он вырос очень стойким, — серьёзно сказал Мракобес и протянул ей корзинку.

Помидор был великолепен: огромный, круглый, ярко-красный, с капельками росы. Варвара взяла его, понюхала (пах солнцем и, как ни странно, немножко стихами) и, не раздумывая, откусила.

Раздался громкий хруст. Варвара замерла. Во рту у неё было что-то очень твёрдое, круглое и совсем не помидорное.

— Это... — сказала она, не размыкая челюстей.

— Кольцо, — шёпотом сказал Мракобес. — Я его спрятал внутрь. Ведьма сказала: «Сделай это по-своему, касатик». Я подумал, что по-своему — это через помидор. Ты в порядке? Зуб цел? О тьма, если я сломал тебе зуб, гномы из кооператива сделают золотую коронку, бесплатно, я уже договорился, то есть я не договаривался заранее, я просто на всякий случай спросил...

Варвара осторожно вынула кольцо изо рта. Оно было тонкое, серебряное, с маленьким зелёным камнем, похожим на капельку горного озера. На внутренней стороне была гравировка: «Сальдо: ты».

— Это бухгалтерская шутка, — пробормотал Мракобес, краснея до ушей. — Я спрашивал у Шуршени, что самое важное в балансе, он сказал — итоговое сальдо. Я подумал... Варвара Сергеевна Ключникова. Ты выйдешь за меня? Можно? Если нет, я пойму. Прости, что через помидор.

Варвара смотрела на кольцо. Потом на помидор, в котором осталась аккуратная круглая дырка. Потом на Тёмного Властелина в отставке, который стоял перед ней на одном колене в мокром песке, в соломенной шляпе, и, судя по лицу, был готов в любую секунду провалиться под землю, если она скажет «нет».

Ей тридцать два года. За всю её жизнь ей делали предложение один раз: однокурсник на третьем курсе, после того как она дала ему списать курсовую. Это было предложение «давай вместе снимать квартиру, будет дешевле». Она отказалась, потому что посчитала, и выходило не дешевле.

— Да, — сказала Варвара.

— Да? — переспросил Мракобес.

— Да. Только больше никаких колец в еде. Я чуть не проглотила.

Мракобес издал звук, не похожий ни на один из известных Варваре звуков. Это было что-то среднее между смехом, всхлипом и боевым кличем орков. Он подхватил её на руки вместе с помидором. Он закружил её по пляжу. Он споткнулся о шезлонг, и они оба упали в песок, хохоча, а сорок три розовых краба посмотрели на них с одинаковым недоумением и, кажется, заплодировали клешнями.

Два дня, четыре часа и семнадцать минут. Это был лучший отпуск в её жизни.

На семнадцатой минуте пятого часа третьего дня в небе появился дракон.

* * *

Аргентум приземлился прямо на пляж, подняв тучу песка и распугав всех крабов. Он тяжело дышал, а на его серебристой шее болтался кожаный тубус с гербом Средней Кривды: жёлтым ежом с морковкой.

— Простите, — пропыхтел дракон. — Простите, что прерываю. Я знаю, у вас отпуск. Я говорил королю, что у вас отпуск. Король сказал, что это срочно. Феофилакт сказал, что это очень срочно. А козёл сказал, — тут Аргентум смутился, — что это «пахнет известью и отчаянием». Он, правда, уже откусил от этого уголок.

— От чего? — спросила Варвара, поднимаясь из песка и отряхиваясь. Кольцо на пальце блеснуло. Аргентум заметил его и сразу перестал пыхтеть.

— О, — сказал дракон совсем другим голосом. — О-о-о. Поздравляю. Я никому не скажу. До вечера.

— Аргентум. От чего откусил козёл?

Дракон вздохнул и протянул ей тубус.

Внутри лежало письмо. Пергамент был ослепительно белый — такой белый, что на него больно было смотреть. Края его были обрезаны идеально ровно, будто по линейке. Буквы были выведены золотом, все одинаковой высоты, все с одинаковым наклоном, и от всего письма веяло таким холодным, безупречным порядком, что Варваре на секунду показалось, будто солнце над Северным морем стало светить на полградуса тише.

В правом нижнем углу не хватало аккуратного полукруглого кусочка. Евлампий явно не удержался.

Варвара развернула письмо и прочитала вслух:

«Его Безупречное Величество Светозар Четырнадцатый, Император Сияющего Порядка, Владыка Чистых Земель, Хранитель Великого Регламента, извещает.

Согласно поступившим сведениям, на территории королевства Средняя Кривда заключён союз со Тьмой. Сей союз является нарушением статей 1, 2, 7, 14, 88, с 211 по 940 включительно, а также статьи 9999 Великого Регламента Света.

В целях проверки соответствия на территорию королевства направляется Старший инспектор Департамента Соответствия Аполлинарий Безупречный. По результатам проверки будет принято решение о признании королевства соответствующим либо о его санации путём присоединения к Империи.

Срок прибытия инспектора — через десять дней с момента получения сего письма.

Подготовьте документы.

Канцелярия Его Безупречного Величества».

Варвара дочитала и долго молчала.

— Что такое «санация»? — осторожно спросил Мракобес.

— Это когда приходят и всё забирают, а потом говорят, что так и было, — сказала Варвара. Голос у неё был очень спокойный. Слишком спокойный. Мракобес знал этот голос. Так она разговаривала с Хрюнделем Честнобородым за секунду до того, как достала телефон.

— «Подготовьте документы», — медленно повторила Варвара. — Они пишут мне. Мне. «Подготовьте документы».

— Варя...

— Это моя фраза, — сказала Варвара. — Это я так пишу.

Она аккуратно свернула письмо и убрала его в тубус. Потом посмотрела на море, на дырявый помидор, на кольцо на своём пальце.

— Отпуск окончен, — сказала она.

— Прости, — сказал Мракобес.

— Ты-то здесь при чём?

— Не знаю. На всякий случай.

Варвара засмеялась, поцеловала его в щёку и пошла собирать вещи. Шезлонг они забрали с собой. Помидор с дыркой Мракобес завернул в салфетку и бережно положил в корзинку: он сказал, что поставит его на полку в музей, рядом с телефоном, свистулькой и шоколадной монетой.

На полке, по мнению Варвары, становилось тесновато. Но это был хороший признак.

Глава вторая, в которой собирается Большой совет, а козёл ставит диагноз письму

Большой совет собрали в тронном зале королевского замка Средней Кривды на следующий же вечер.

Пришли все. Король Евстафий Девятый (в короне и, по случаю важности момента, в парадных тапочках с вышитыми львами). Придворный маг Феофилакт с мешком справочников. Новый королевский казначей, то есть Варвара. Хранитель Северных земель, то есть Мракобес. Капитан королевской стражи сэра Бертольд Неустрашимый — он получил это звание полгода назад за подвиг номер сто четырнадцать («Поймал вора. Вор был гусь. Гусь был Гоготун. Гоготун украл пирог. Пирог был мой. Отдал гусю пирог. Вор раскаялся»). Леди Лаириэль, его жена, автор сборника стихов «Камень и я», ставшего бестселлером среди орков. Председатель кооператива «Клык и Мост» Гхырк в очках и с золотыми клыками. Дракон Аргентум, чья голова, как обычно, торчала в окне. Мышь — хранительница казны, которая сидела на краешке стола в маленьком кресле и держала в лапках крошечный блокнотик.

И Евлампий, Главный Советник короля по документам. Он лежал под столом и выглядел так, будто у него болит живот.

— Ну, — сказал король, когда все расселись. — Значит, Империя. Я, честно сказать, про Империю мало знаю. Только то, что говорят.

Варвара медленно повернулась к нему.

— Ой, — сказал король. — Простите. Я больше не буду. Феофилакт, что мы знаем про Империю?

Феофилакт развязал мешок со справочниками, вытащил самый толстый, раскрыл и начал читать, водя пальцем по строчкам:

— «Империя Сияющего Порядка расположена к востоку от Средней Кривды, за Белыми горами. Население — порядка двух миллионов человек. Столица — город Белоград. Правит Император Светозар, четырнадцатый с этим именем. Государственный строй — регламентарная монархия».

— Это что? — спросила Лаириэль.

— Это когда правит не монарх, а регламент, — сказал Феофилакт. — «Великий Регламент Света, свод правил, содержащий десять тысяч статей, регулирует все стороны жизни империи: от государственного устройства до допустимой длины шнурков на ботинках».

— Какой допустимой длины? — с интересом спросил сэра Бертольд.

Феофилакт перелистнул страницу.

— «Не более трёх с половиной вершков, с завязыванием бантиком установленного образца».

— А если узелком?

— «Штраф пять серебряных».

Сэр Бертольд посмотрел на свои сапоги. Шнурков на них не было, и он заметно успокоился.

— Что ещё? — спросила Варвара.

— «Особенности, — продолжал Феофилакт. — Все здания в Империи окрашены в белый цвет. Все жители носят белые одежды. Запрещены: тени, грязь, громкий смех, несогласованная радость, кривые линии, пятна любого происхождения, кошки чёрной масти и слово „какий-нибудь“».

Наступила тишина.

— Тени? — переспросил Мракобес. — Как можно запретить тени?

— «Тень является нарушением статьи номер один Великого Регламента: „Свет должен быть везде“, — прочитал Феофилакт. — Посему в Империи каждое здание освещается со всех сторон одновременно, а жители, отбрасывающие тень, обязаны платить ежегодный теневой сбор».

— Я бы туда не поехал, — сказал Аргентум из окна. — Я очень большой. Я отбрасываю много тени.

— Тебя бы разорили, — согласился Гхырк.

* * *

Варвара положила письмо на середину стола.

— Значит, так, — сказала она. — Через десять дней к нам приезжает инспектор. Он будет проверять нас на соответствие правилам, по которым мы не живём и которых мы не читали. Если мы не соответствуем, нас присоединят к Империи.

— А можно просто не пустить инспектора? — предложил Гхырк. — Мост поднимем. Скажем, что ремонт.

— Тогда они пришлют армию, — сказал Феофилакт. — У Империи большая армия. Паладины Белой Перчатки. Десять тысяч рыцарей в белых доспехах. Говорят...

Все посмотрели на Варвару. Феофилакт осёкся.

— Тут написано, — поправился он, тыкая пальцем в справочник. — Тут написано, что они непобедимы.

— Почему?

Феофилакт посмотрел в справочник и нахмурился.

— «Потому что ни разу не вступали в бой», — прочитал он. — «Все соседи Империи сдавались, увидев их доспехи. Доспехи очень блестящие. Отражают солнце. Слепят».

— Значит, воевать они не умеют, — заметила Варвара.

— Значит, этого никто не знает, — уточнил Мракобес. — Я бы не стал проверять.

— Я тоже. — Варвара побарабанила пальцами по столу. — Ладно. Евлампий, выйди, пожалуйста, из-под стола. Ты съел кусок письма. Что скажешь как эксперт?

Козёл медленно, с достоинством выбрался из-под стола. Вид у него был нездоровый. Глаза слезились.

— Бумага высшего сорта, — сказал он. — Отбелённая. Трижды. С добавлением извести. Чернила золотые, настоящие. Но вкус... — он передёрнулся. — Вкус ужасный. Как будто это писал человек, который сорок лет не спал, не ел сладкого и ни разу не сказал «а, ладно, и так сойдёт». Как будто это писал человек, которому очень, очень одиноко. Как гласит Сороковой Свиток...

— Таких свитков нет, — хором сказали все присутствующие, включая мышь.

— ...«печальный документ пишут печальные люди», — невозмутимо закончил козёл и снова полез под стол. — Меня мутит. Разбудите, когда будет что-нибудь вкусное. Например, смета на свадьбу.

В зале воцарилась такая тишина, что было слышно, как у Аргентума в окне зашипела капля росы на ноздре.

— Какую свадьбу? — медленно спросил король Евстафий.

Варвара закрыла глаза. Мракобес покраснел так, что его можно было бы использовать вместо сигнального фонаря.

— Евлампий, — сказала Варвара.

— Я ничего не говорил, — сказал стол. — Я просто увидел кольцо. Я козёл, у меня боковое зрение.

Следующие двадцать минут Большой совет занимался не Империей.

Король плакал от счастья. Феофилакт искал в справочниках подходящее древнее благословение и нашёл только одно, для урожая брюквы, но решил, что сойдёт. Гхырк от имени

кооператива пообещал построить свадебную арку с шипами («Мягкими!» — сказала Варвара). Аргентум, которому было обещано молчать до вечера, держался ровно пятнадцать секунд, а потом выдохнул в небо столб розового огня в форме сердца, и этот столб видели в трёх соседних деревнях. Лаириэль немедленно достала блокнот, а сэр Бертольд, обнимая Мракобеса, плакал в его плечо так, что промочил камзол насквозь.

— Я так рад, — всхлипывал рыцарь. — Так рад. Можно я буду шафером? Правило двести второе: «Рыцарь, друг жениха, да будет шафером». Я сам его только что придумал, но оно хорошее.

— Можно, — сказал Мракобес, у которого тоже почему-то щипало в глазах.

Мышь, хранительница казны, молча открыла свой крошечный блокнотик на чистой странице и аккуратно вывела лапкой сверху: «Свадьба. Смета».

Варвара, увидев это, рассмеялась. Потом посмотрела на письмо из Империи, лежавшее на столе. Белое, безупречное, холодное, с маленьким полукруглым укусом в углу.

— Десять дней, — сказала она. — Хорошо. Подготовим документы.

И только тут, в общем шуме, никто не заметил, как в дальнем углу тронного зала, у старого зеркала, воздух на секунду задрожал, запахло ладаном и канцелярским клеем, и тут же всё пропало. Как будто кто-то где-то очень далеко открыл портал, увидел, сколько здесь народу, испугался и закрыл обратно.

До поры.

Глава третья, в которой из портала выходит мама

Портал открылся на следующее утро, ровно в семь, прямо посреди королевской кухни.

Сначала запахло ладаном и канцелярским клеем. Потом под потолком засиял золотой свет. Потом раздался звон колокольчиков, и все повара разом уронили половники, потому что в последний раз такое случалось, когда к ним прибыла Избранная, и тогда тоже весь день всё шло кувырком.

Из света вывалился ангел Серафим.

Вывалился в самом прямом смысле: он не спустился, не материализовался, а именно вывалился, кубарем, и приземлился лицом в мешок с мукой. Крылья у него были растрёпаны, очки висели на одном ухе, а картонная папка, которую он прижимал к груди, распухла до размеров небольшого сундука.

— Простите, — простонал он из мешка. — Простите, простите. Где Варвара Сергеевна?

Варвару позвали. Она пришла на кухню в халате с павлином (за год халат стал официальной формой королевского казначея: король издал указ, что «таково пророчество»), с чашкой чая и с ощущением, что сейчас произойдёт что-то, к чему её не готовили ни институт, ни четыре года у Геннадия Павловича.

— Серафим? Что случилось?

Ангел выбрался из муки. Он был белым с головы до ног, но, впрочем, он и так всегда был белым, так что разница была небольшая.

— Варвара Сергеевна, — сказал он трагическим шёпотом. — Я пытался. Честное слово, я пытался. Я сопротивлялся три месяца. Но она... она написала сорок семь жалоб. Сорок семь! На имя самого Небесного Канцлера! С копией в отдел контроля, в отдел качества и в приёмную! Она узнала номер моего кабинета! Она... она приходила лично! Я не знаю, как она попала в Небесную Канцелярию, туда смертные не попадают, но она сказала охране, что «по записи», и её пропустили!

— Кто «она»? — спросила Варвара, хотя уже знала ответ. Внутренности у неё медленно холодели.

Портал за спиной Серафима снова засиял. Из золотого света на кухню шагнула невысокая плотная женщина лет шестидесяти, в бежевом плаще, в очках, с химической завивкой и с двумя огромными клетчатыми сумками в руках. Из одной сумки торчали ростки рассады. Из другой — банка с огурцами.

Женщина огляделась. Посмотрела на повара. Посмотрела на ангела в муке. Посмотрела на Варвару.

— Варвара, — сказала она. — Почему у тебя опять этот халат?

— Мама, — сказала Варвара.

* * *

Галина Петровна Ключникова тридцать лет проработала в паспортном столе районного отдела внутренних дел, и об этом нужно было знать, чтобы понимать всё, что произошло дальше.

Тридцать лет она принимала граждан с девяти до тринадцати и с четырнадцати до восемнадцати, кроме вторника и последней пятницы месяца. Тридцать лет она говорила «не та форма», «нет копии», «подпись не там» и «а вы в какой очереди стояли». За тридцать лет через её окошко прошло, по её собственным подсчётам, сто восемнадцать тысяч человек, и ни один из них не ушёл от неё с неправильно заполненным заявлением. Её боялись начальники отделений, участковые и две тещи участковых. Однажды к ней пришёл без записи депутат областной думы, и через двадцать минут он стоял в общей очереди, держал талончик и выглядел очень маленьким.

Когда два с половиной месяца назад её дочь сначала исчезла в Турции, потом на десять минут появилась в Москве, уволилась с работы, забрала кота и снова исчезла, Галина Петровна сначала, как всякая мать, пила корвалол. Потом пошла в полицию. Потом в консульство. Потом в отель «всё включено», где горничная, понизив голос, рассказала ей про странного викинга, который однажды вышел из лифта, кричал про Одина и потребовал кофе. Потом Галина Петровна нашла этого викинга. Он оказался вежливым молодым человеком по имени Торвальд, старшим партнёром фирмы, где работала дочь, и он рассказал ей всё. Про портал. Про Небесную Канцелярию. Про форму возврата и пункт девятьсот четырнадцать.

И тогда Галина Петровна сделала то, что умела лучше всего на свете.

Она написала заявление.

— И не одно, — шептал Серафим, отряхиваясь от муки. — Сорок семь! И все составлены идеально! По форме! С приложениями! Наш отдел юристов три недели искал, к чему придраться, и не нашёл! Она требовала, цитирую, «организовать свидание с дочерью в связи с неуведомлением родственников о перемещении гражданина в иной мир». Такой формы у нас даже не было! Нам пришлось её создать!

— Мама, — повторила Варвара, всё ещё не до конца веря своим глазам. — Как ты... Как ты попала в Небесную Канцелярию?

Галина Петровна поставила сумки на кухонный стол, повар машинально отодвинул от них половник, и поправила очки.

— Обыкновенно, — сказала она. — Нашла, где у них приём граждан. Там была очередь. Я спросила, кто последний. Мне сказали, что сюда нельзя, потому что я живая. Я сказала, что у меня вопрос на две минуты. Меня пропустили.

— Это была очередь из душ, ожидающих распределения, — тихо сказал Серафим. — Двести лет некоторые ждут. Она их всех... она их реорганизовала. По алфавиту. И по срочности. Теперь там всё работает в три раза быстрее. Канцлер хочет взять её на работу.

— Я на пенсии, — сказала Галина Петровна. — У меня дача.

Она повернулась к дочери. Посмотрела на неё долгим, внимательным взглядом поверх очков, тем самым взглядом, которым она тридцать лет проверяла, совпадает ли фотография в паспорте с лицом заявителя. Варвара, тридцатидвухлетний Королевский казначей двух государств, победительница Тьмы и гроза гнома Хрюнделя, почувствовала себя восьмилетней девочкой, которая разбила вазу.

— Похудела, — сказала Галина Петровна. — Загорела. Ешь хоть нормально?

— Ем, мама.

— А это что? — Галина Петровна взяла дочь за руку и посмотрела на кольцо с зелёным камнем. Её брови медленно поползли вверх. — Это что такое?

Варвара поняла, что пути назад нет.

— Мама, — сказала она. — Я выхожу замуж.

* * *

Через полчаса, когда Галина Петровна выпила валерьянки (она привезла с собой три флакона и одну бутылку боярышника — «на всякий случай, ты же меня знаешь»), когда ангел Серафим, получив с неё расписку в том, что она «встречей с дочерью удовлетворена и претензий не имеет», с явным облегчением исчез в портале, и когда весь замок уже знал, что «приехала мама Избранной, и это страшнее Империи», состоялся главный разговор.

— За кого? — спросила Галина Петровна.

Они сидели в маленькой гостиной. Галина Петровна в кресле. Варвара на краешке дивана. Сэр Бертольд у двери, по долгу службы и потому, что Варвара умоляюще попросила его остаться.

— Его зовут Мракобес, — сказала Варвара.

— Как?

— Мракобес. Третий.

— А первые два где?

— Это его дедушка и папа. Их уже нет.

Галина Петровна помолчала.

— Иностранец?

— Местный. С севера.

— Кем работает?

Варвара набрала в грудь воздуха.

— Раньше был Тёмным Властелином. Теперь Хранитель Северных земель.

Галина Петровна поставила чашку на блюдце. Аккуратно, без звука. Это было страшнее, чем если бы она её разбила.

— Тёмным Властелином, — повторила она.

— Мама, это долгая история. Он хороший. Правда. Он...

— С квартирой хоть?

— С Цитаделью.

— В ипотеку?

— Была в залоге. Теперь нет. Я разобралась.

Галина Петровна посмотрела на дочь с чем-то, похожим на уважение. Потом снова нахмурилась.

— Пьёт?

— Нет.

— Курит?

— Нет.

— Руки распускает?

— Мама! Он у себя в кабинете у паука прощения просил, когда на паутину наступил.

— Так. — Галина Петровна покачала головой. — Подозрительно. Где подвох?

Сэр Бертольд у двери тихонько хмыкнул. Варвара укоризненно на него посмотрела, а потом подумала, что год назад сама задавала Мракобесу ровно этот вопрос, теми же словами, и вдруг рассмеялась.

— Подвох в том, что он ужасно скучный, — сказала она. — Ложится в десять, извиняется всё время и выращивает помидоры.

Галина Петровна, которая за свою жизнь вырастила около восемнадцати тысяч кустов помидоров на шести сотках в Подмоскowie, медленно подняла голову.

— Помидоры? — переспросила она. — Какой сорт?

Глава четвёртая, в которой прибывает инспектор, и становится очень, очень светло

Встреча Галины Петровны и Мракобеса была назначена на вечер. Но в три часа дня прибыл инспектор, и всем стало не до знакомства с тёщей.

Сначала все решили, что над королевством взошло второе солнце.

С востока, из-за Белых гор, по дороге двигалось что-то настолько ослепительное, что на него невозможно было смотреть без слёз. Это сияние медленно приближалось, и чем ближе оно подходило, тем сильнее жители Средней Кривды шурились, прикрывали глаза ладонями и прятались под навесами. Куры на дворах начали нестись раньше времени. Петухи запели вечернюю песню, перепутав время суток. Двое стражников на городской стене надели на головы вёдра.

Когда сияние приблизилось к городским воротам, стало видно, что это карета.

Она была белая. Не просто белая, а так основательно, торжественно и бескомпромиссно белая, что рядом с ней свежавывающий снег показался бы серым. Её везли шесть белых коней в белых пополах. На козлах сидел кучер в белом. Колёса кареты были белыми, спицы белыми, и даже дорожная пыль, оседая на них, казалось, не решалась прилипнуть и сползала обратно на дорогу. По бокам кареты были укреплены огромные зеркала, направленные во все стороны, так что карета не отбрасывала тени: со всех сторон её освещало отражённое солнце.

Карета остановилась перед королевским замком. Кучер в белом спрыгнул с козел и вернулся перед дверцей белый ковёр. Потом достал из-под сиденья щётку и тщательно подмёл ковёр, хотя на нём ничего не было.

Дверца открылась.

Из кареты вышел человек. Он был высокий, прямой, как черенок от лопаты, и худой, как этот же черенок. Ему было лет пятьдесят пять. На нём был безупречный белый сюртук, застёгнутый на все двадцать четыре пуговицы, белые перчатки, белые брюки со стрелками такой остроты, что ими можно было резать хлеб, и белый цилиндр. Волосы у него были седыми и зачёсанными так гладко, что казались нарисованными. Лицо — бледным, без единой морщинки, без единого выражения. Под мышкой он держал белую папку, а в руке — длинную тонкую линейку из слоновой кости.

— Аполлинарий Безупречный, — сказал он ровным, бесцветным голосом, не глядя ни на кого конкретно. — Старший инспектор Департамента Соответствия Империи Сияющего Порядка. Прибыл для проведения проверки. Где ответственное лицо?

Варвара вышла вперёд.

— Варвара Ключникова, королевский казначей. Добро пожаловать. Вы прибыли на семь дней раньше срока. В письме было сказано — десять дней.

Инспектор впервые посмотрел на неё. Глаза у него были светло-серые, почти прозрачные.

— Статья четыреста двенадцать Великого Регламента, — сказал он. — «Инспектор вправе прибыть ранее заявленного срока с целью исключения подготовки проверяемого объекта к проверке».

— То есть вы нас обманули.

— Я действовал в соответствии с Регламентом, — сказал инспектор. — В Регламенте нет понятия «обман». Есть понятие «внезапность». Статья четыреста тринадцать.

Он открыл папку, вытащил белый лист и начал писать. Писал он быстро, мелким ровным почерком, не отрываясь.

— Что вы пишете? — спросила Варвара.

— Первичный акт осмотра, — не поднимая головы, ответил Аполлинарий. — Нарушение номер один: ответственное лицо одето в халат. Статья двести три, «Деловой облик госу-

дарственного служащего». Нарушение номер два: на халате изображена птица. Статья двести четыре, «Недопустимость анималистических мотивов в служебной одежде». Нарушение номер три...

Он поднял голову, посмотрел вверх. Над воротами замка, на зубце крепостной стены, сидел Гоготун и с интересом разглядывал инспектора.

— Нарушение номер три: на государственном объекте находится гусь. Статья семьсот девять. Нарушение номер четыре: гусь смотрит.

— Гусь не может не смотреть, — возразил сэр Бертольд, выходя вперёд. — У него глаза.

— Статья семьсот десять, — невозмутимо сказал инспектор. — «Животные на территории государственных объектов не должны выражать заинтересованности». Вы кто?

— Капитан королевской стражи, сэр Бертольд Неустрашимый!

Инспектор посмотрел на его доспехи. На доспехах была небольшая вмятина (подвиг номер шестьдесят семь: «Защитил стажёра от падающего с крыши Евлампия») и пятно от чая с чабрецом (подвиг номер девяносто: «Заварил чай под дождём»).

— Нарушение номер пять, — сказал инспектор. — Доспехи капитана стражи деформированы. Нарушение номер шесть: на доспехах капитана стражи пятно. Происхождение пятна?

— Чай, — сказал сэр Бертольд и покраснел.

— Нарушение номер семь: капитан стражи покраснел. Статья тысяча один, «Недопустимость несогласованного проявления эмоций при исполнении».

* * *

За первые два часа проверки инспектор Аполлинарий Безупречный выявил двести четырнадцать нарушений.

Он обошёл замок со своей линейкой и измерил всё. Высоту ступенек (разная, нарушение). Ширину коридоров (разная, нарушение). Длину бороды Феофилакта (превышает норматив в четыре раза, нарушение). Расстояние между зубцами крепостной стены (непостоянное, нарушение). Количество пятен на гобеленах в тронном зале (восемнадцать, нарушение; «одно пятно — уже нарушение»).

Он выписал штраф шипастой арке над входом в замок (её построил кооператив «Клык и Мост» к годовщине Дня Сведённых Концов): «Статья триста тридцать, кривые линии на государственных сооружениях недопустимы». Гхырк, который при этом присутствовал, снял очки, протёр их, надел, снова снял и сказал очень тихо:

— Эти шипы прямые. Я их лично выпрямлял.

— Они расположены под углом друг к другу, — ответил инспектор. — Угол — это начало кривизны.

Он выписал штраф Евлампии за то, что тот «жевал в присутствии инспектора». Он выписал штраф мыши-хранительнице казны за «неуставную ширину хвоста». Он выписал штраф королю Евстафию за тапочки с львами (король заплакал, и инспектор выписал ему штраф за несогласованное проявление эмоций, но потом посмотрел на тапочки ещё раз и, кажется, единственный раз за всё время на секунду засомневался).

А потом он вышел во двор замка, поднял голову и посмотрел туда, где на северном горизонте, за лесами и холмами, в ясную погоду едва виднелись семь шпилей Цитадели Мрака.

— А там? — спросил он.

— Там Северные земли, — сказал Мракобес, который весь день молча ходил за инспектором и отвечал на вопросы. — Мои.

Инспектор достал из кармана маленькую подзорную трубу (белую), посмотрел в неё и что-то долго, сосредоточенно разглядывал. Потом опустил трубу. Его бледное лицо впервые выразило что-то похожее на чувство. Чувство это было ужасом.

— Она отбрасывает тень, — сказал он.

— Кто?

— Цитадель. Ваша Цитадель отбрасывает тень. Огромную. В полдень длина тени — около трёхсот шагов. В закат — более двух лиг.

— Ну... да, — растерянно сказал Мракобес. — Это же здание. Здания отбрасывают тени.

— Не в Империи, — сказал Аполлинарий Безупречный, и голос его на этот раз прозвучал почти торжественно. — Статья номер один Великого Регламента. «Свет должен быть везде». Тень есть отсутствие света. Отсутствие света есть Тьма. А Тьма...

Он медленно опустил подзорную трубу и посмотрел прямо на Варвару своими прозрачными глазами.

— ...а Тьма, госпожа казначей, подлежит устранению. Вы обязаны устранить тень в течение тридцати дней. В противном случае Империя будет вынуждена провести санацию. Всего королевства. Вместе с Северными землями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.